40 коп. ЭВК

ДВ 96
Б 818

В.Б. БООЛЬ

ГОЛЬДЫ

С РЕКИ ТУНГУСКИ

„КНИЖНОЕ ДЕЛО“

ЭР00481

ДВГНБ

ЭР00481

ДВГНБ

ЭР00481

ДВГНБ

ЭР00481

ЛВ 96 + 63.52(251.1=Нан),024
Б.5818

Б О О Л Ь

30-8
5326а
30-8
5326а
41398

ГОЛЬДЫ

с реки Тунгуски

Этнографический очерк

ЛВ
ДВГНБ
Инв. № Ч-975
М 3346085
ДВ государственная научная библиотека
ДВ государственная научная библиотека

«КНИЖНОЕ ДЕЛО»

ЭР00481

ХАБАРОВСК
MCMXXX
1930

ДВГНБ

ЭР00481

В этой брошюре читатель найдет картины из природы и жизни туземного населения рек Тунгуски и Кура. Большую часть насельников бассейна этих рек, а также р. Урми, составляют так называемые *килэн*, состоящие из четырех родов: Удынкан, Юмикан, Доонкан и Килэн (последнее, как родовое название). Расселены килэн, помимо системы рек Урми, Кура и Тунгуски, по правому берегу рек Сунгари и Амура, по амурским островам до устья реки Уссури, отсюда и до устья р. Хунгари килэн вкраплены в амурское гольдское население, имеются в районе оз. Боулен, появляясь вновь значительной группой далее к СВ в пределах расселения ульчей.

Предлагаемый очерк представляет краткое изложение личных впечатлений автора — члена кружка юных натуралистов Хабаровской ленинской школы II ст. — полученных во время этнографических поездок кружка на рр. Тунгуску и Кур в 1926—1927 г.г.

Рисунки сделаны худ. И. Холодовым по фотографиям члена КЮН — Е. Петрова и материалам Хабаровского музея.

ИЗДАТЕЛЬСТВО.

ДВГУ

ЭР00481

ОТПЕЧАТАНО
В ТИПОГРАФИИ
„КНИЖНОЕ ДЕЛО"
НОМЕР ТРЕТИЙ
Г. БЛАГОВЕЩЕНСК
ЛЕНИНСКАЯ, № 137
ЗАКАЗ № 368
ДАЛЬЛИТ № 570
ТИРАЖ 3.000
СТАТФОРМАТ Б6

ДВГНБ

ЭР00481

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С ГОЛЬДАМИ

Мотор равномерно стучал, отплевываясь бензиновым перегаром. Корпус лодки содрагался от мощного биения мотора и она, покачиваясь, быстро скользила вперед, оставляя за кормой пенистый след.

Вздутая поверхность Амура была усеяна плывущими досками, бревнами и корягами. Там и сям виднелись, как клоки пушистой ваты, изжелта белые хлопья рыхлой пены. Все это медленно двигалось вниз по реке.

Осеннее наводнение 1927 года разорило ряд прибрежных поселков и сильно изменило береговую линию.

Часа через полтора, проворно лавируя между полузатопленными островками, моторная лодка с шумом ворвалась в тихую Тунгуску. Туча встревоженных стрижей с писком снялась с крутого левого берега, изрешеченного чернеющими отверстиями их норок, и стала беспокойно носиться над нами.

Вскоре стрижи отстали. Против течения лодка пошла медленнее, пробираясь близ залитых рекой берегов. Левым бортом лодка часто задевала за кочки, поднимавшиеся из воды.

За ближайшим поворотом мигнул огонек — мы приближались к стойбищу Хэи-мангга.

ДВГНБ

ЭР00481

Собаки громким лаем встретили лодку. Высокий берег едва возвышался над водой, ибо уровень ее значительно поднялся.

Запад угасал. Силуэты фанз вырисовывались смутно. Пахло юколой и жженьми костями. По ветру доносился дымок костра.

Мы с наслаждением зашагали, разминая отекшие ноги, по твердой земле, спотыкаясь в темноте на разбросанные жерди.

Воздух был напоен пронзительно-тонким пением комаров, которые с остервенением вились около людей, безжалостно их жаля.

Дверь первой фанзы была плотно притворена. Внутри едкий дым ел глаза, изгоняя ненавистных комаров. Слабо мерцал тусклый свет керосиновой лампы.

Гольды уже ложились спать. На *сактан* постелили узкие ватные тюфяки; у стены, где вдоль кан [1]) тянулось нешироко *хондори*, лежали подушки из пера. Шерстяные одеяла распластались тут же.

Гостеприимные хозяева уступили нам левую половину кан. Двое из нас предпочли спать на улице, охраняя мотор. Владелец фанзы, Лука Доонкан предложил принести палатку-комарник. Ее тонкий полог свободно пропускает воздух, но совершенно непроницаем для комаров. Подоткнув под себя края этого полога, можно спокойно отдыхать, слушая исступленный вой комаров, облепивших снаружи палатку.

---

[1]) К а н ы — низкие дымоходы, строящиеся по полу и служащие лежанками (название — китайского происхождения).

ЭР00481

Лука очень чисто говорил по-русски, пересыпая свою речь прибаутками, поговорками и пословицами, мастерски передавая оттенки разных выговоров.

Гольдская фанза.

Гибкий и высокий, в чистой белой рубашке, он резко выделялся среди своих сородичей

— Вы, товарищи, куда направились? Не торопитесь здорово, завтра еще живите. Тише поедешь — далеко будешь... Так ведь?

Лампа потушена... В душном воздухе звенит комариный гул. Лунный свет с трудом пробивается сквозь промасленную бумагу окон, делая все предметы серыми.

Искусанное комарами тело покрылось твердыми волдырями и нестерпимо чешется, а тут еще блохи начали свой поздний ужин. Приторный запах сырой рыбы и затухшей крови смешивался с табачным дымом, усиливая духоту.

Вверху смутно вырисовывались неструганные тальниковые жерди, на которых лежит травяная крыша с торчащими из нее закоптелыми соломинами. К опорным жердям были привешены различные пошивки из мягкой рыбьей кожи: рукавицы, улы с загнутыми кверху носками, выделанные кетовые спинки.

Еще не началось утро, а гольды уже поднялись. Свежий ветерок обдавал сыростью, а трава была суха — к дождю. Густой туман окутал

ЭР00481

окрестности. Сквозь его молочную пелену проглядывала широкая тусклая Тунгуска, по которой плыли какие-то длинные темные предметы.

— Бревна идут, помоги ловить,— заволновался Лука.

Моторист стал пускать мотор. Мотор отплевывался, стучал некоторое время и опять умолкал, упорно не желая работать. А бревна быстро уплывали вниз по течению. Наконец, лодка рванулась вперед. Лука стоял на носу с веревочной петлей в руках. Белесоватая дымка тумана скрыла удаляющиеся бревна и лодку. Лодка вскоре вернулась. За кормой грузно волочилось толстое лиственничное бревно, задерживая широким торцом (поперечный срез ствола) движение.

Подведя бревно к берегу, ловцы помчались за вторым, еще большим по длине бревном, которое едва чернело на воде ниже стойбища.

— Больше не будет,— заявил Лука, укрепляя рядом с первым новое бревно. Спасибо, что помог. В городе Дальлес за каждое бревно полтинник дает, значит — рублевку зашибли!

— А откуда ты знаешь, что бревна сегодня больше не пойдут?

— Их Каменка не пустит. Там мужики уже встали и давно ловят. Хорошо им, прямо на берег всякий лес лезет, знай привязывай. А эти ночью проскочили, когда каменские ребята спали. Если хороший день попадет, они однако полсотню зашибить могут... Не сеял, не жал, сам бревно прибежал.

Туман стал рассеиваться, но солнце не по-

ЭР00481

казывалось. День обещал быть дождливым. Недаром вчера вечером не было лягушечьего концерта.

Около фанзы клектали с жалобным писком привязанные за ноги два молодых орленка, царапая сильными когтями дно бочки, на которой они сидели. Их желтые неподвижные глаза подергивались белой пленкой, а громадный кривой клюв закрывался со щелканьем после каждого крика.

Высокая гольдячка с правильными чертами лица устанавливала над костром таган с чайником.

Это была Екатерина Удынкан из соседнего стойбища Тэуди, искусная вышивальщица и образцовая хозяйка.

Она пожаловалась на свою племянницу, плосколицую девочку Марию Доонкан.

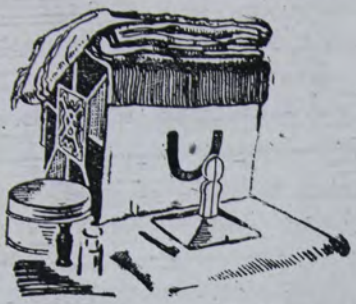
— Такой ленивый... Шить учила — не понимает, работать не хочет, только о городе думает... Учиться ей здорово нравится, а у нас — работать нужно.

— Не буду я у вас работать,— сердито огрызнулась на правильном русском языке четырнадцатилетняя Мария, тряхнув непослушными космами черных прямых волос,— я учиться хочу! Когда мы в Хабаровске были, мать Акулина в китайской кумирне жила, так я в школе училась; читать, писать по вашему могу. Потом отец помер, и мы с матерью вернулись в Тэуди. Мать за Николая замуж вышла, уже два года живут,— рассказывала нам Мария Доонкан.

ДВГУНБ

ЭР00481

В фанзе молодая жена Луки устанавливала на канах снятую на ночь *фаню*. Сначала на циновку постлала большой цветной платок, сложенный в несколько раз. На него положила плотный тюфячок и фаню — угловатую подушку, украшенную по бокам узором. Все это накрыла пачкой одежды умершего родственника и его лохматым полотенцем, а впереди установила небольшой деревянный *сэон*, укрепленный на дощечке. Закуренную трубку и кусок жареной лепешки положила тут же. Сбоку поставила пустые жестянки из-под конфет.

Фаня; перед ней сэон.

По понятиям гольдов, душа умершего человека, прежде чем попасть в *буни* — царство теней — и присоединиться к сородичам, должна быть разыскана шаманом и помещена в фаню. Стоящий перед подушкой деревянный сэон (*аями-фанялко*) как бы олицетворяет самого покойного. Душа находится в фане вплоть до «больших поминок», когда шаман провожает ее в загробный мир. После этого фаня торжественно сжигается, а покойник окончательно переселяется в буни.

Сэон.

ЭР00481

Гольды боятся мертвых, поэтому так велики их заботы о душе покойника.

Фаню кормят, дают ей курить и обращаются с ней как с живым человеком, боясь навлечь на себя гнев усопшего.

Лука сообщил по секрету, что все это делается по привычке, и «едва ли найдутся два человека, которые шибко соображают как старики».

Каны, на которых помещалась фаня, около входа оканчивались гладко вымазанным глиной очагом, типичным для всех гольдских фанз. На полочках, украшенных вырезанными из бумаги кружевами, помещались мелкие предметы кухонного обихода, преимущественно русского происхождения. Тут были глиняные сосуды, стеклянные бутылки, эмалированные тарелки, разные жестянки. Направо, в углу, стояли ведра с питьевой водой.

Часы показывали уже восемь, пора было покинуть Хэи-мангга и плыть дальше. Екатерина попросила довезти ее и мальчика Андрюшку до Тэуди, куда мы сейчас направлялись.

Мотор заработал, и лодка плавно двинулась навстречу волне. Намокшие кусты свисали в воду. Перегруженная «моторка» едва справлялась на поворотах реки с бешеной силой течения. В таких местах гольдячка, сидевшая на носу, настороженно вытягивалась вперед и по ее напряженному лицу видно было, что рулевой ведет нас не так, как здесь пролавировали бы природные лодочники — гольды, «читающие» воду по неуловимым черноватым оттенкам на ее поверхности.

ДВГНБ

ЭР00481

Наконец, показалось стойбище Тэуди.

Но как оно было необычно сегодня! От дальнейшей песчаной косы не осталось и следа. Ре подступила к самым фанзам, грозя превратить их в острова.

На берегу лежал вывороченный пень с торчащими кверху корнями. На одном из них сидел красавец-ястреб. Подпустив нас на несколько шагов, он расправил свои коричневые с черными и белыми крапинками могучие крылья, взмахнул ими, поднялся и плавно опустился поодаль.

Берестяный туез.

В Тэуди не все еще встали и было безлюдно. Екатерина пригласила к себе в фанзу. Вернее — не в фанзу, а в просторный бревенчатый домик, крытый волнистым железом и украшенный обильной резьбой. В струганых рамах окон желтела промасленная бумага, над которой снаружи были укреплены скатанные тростниковые дорожки, опускаемые во время дождя.

Внутри — одно просторное помещение. Вдоль стен тянулись обычные каны, застланные опрятными сактан. Против входа помещался глиняный очаг с вмазанным чугунным котлом, как у Луки в Хэиманга. У окна стоял стол, покрытый скатертью, и пара табуреток, которых вовсе нет в других стойбищах. Над столом — круглые часы

ЭР00481

с одной стрелкой, большая рамка с фотографиями родственников и разные лубочные портреты и рисунки из старых журналов. На видном месте висел портрет Ленина из жести с надписью: «Делегату I Туземного с'езда ДВО, 1925 г.». Екатерина была на этом с'езде. Она показала нам книжку «Материалы о I Туз. с'езде», где на снимке президиума, рядом с руководителями Дальревкома, сидела она, Удынкан, в своем национальном костюме.

Под потолком висели два ружья, в полной готовности «на всякий случай». Одно из них, превосходный «Винчестер», также подарено делегату I Туземного с'езда, о чем свидетельствует медная дощечка с надписью, врезанная в приклад.

— Николай встал, к себе зовет,— сообщил входя взрослый сын Екатерины.

Пошли к Николаю Посхар. Его землянка находилась тут же, через один заброшенный уже домик.

Хозяин — высокий, смуглый, в сапогах и синей сатиновой косоворотке был очень мало похож на гольда.

Он держался серьезно, но широкая улыбка постоянно скользила по его лицу. Маленький «сынка» Андрюшка, приехавший с нами, как вьюн вился под ногами, мелькая своей бритой головой.

Акулина, жена Николая,— превосходная рукодельница. По нашей просьбе она показала некоторые образцы ручной вышивки. Из вместительных ящиков пузатого комода (привезен из города) она извлекла всевозможные лоскутки разнообраз-

ЭР00481

ных тканей, сложенных узором внутрь. Здес был черный бархат, сукна всех цветов, полотна по которым яркими шелками п стрел тамбурный шов замыслова тых фантастических узоров и сти лизованных животных, перепле тенных вместе в сложных изги бах вышивки. Материи вырезыва лись, накладывались одна на дру гую, образуя яркие своеобразные сочетания.

Орнамент.

В комоде лежали и заготовленные части одежды, вышитые воротники, обшлага халатов, карманы и нагрудные нашивки мужских рубах.

— Как муж помирал, я никому не показывай свой работ... Как память держать надо, для него эта работа шла.

Несколько образцов вышивания она подарила нам, а орнамент остальных мы скопировали на бумагу. Орнаменты эти придумываются исключительно женщинами в бесконечно длинные зимние вечера.

Николай, выстругивая что-то ножом, вдруг выругался и крикнул Андрюшке:

— А, черти ели! Андрей, тащи мне живо иод, вон там на полке...

Моментально появился пузырек с иодом. Из берестовой орнаментированной коробки Николай достал кусок ваты и бинт и ловко перевязал порезанный палец.

Этот случай удивил нас. Мы не предполагали

ЭР00481

встретить в стойбище аптечку Дальмедторга. Заметив это, Николай расхохотался.

— Вот так здорово! А ты думал, что? Пойдем-ка, я еще чего покажу...

Обогнули фанзу и направились к амбарчику. Он выглядывал из густых черемух и тополей. Бревенчатые стенки опирались на четыре сваи, покрытые старыми банками из-под керосина, которые задерживают разных мелких грызунов, не пропуская их наверх. Травяная крыша свисала пожелтевшими пучками старой «ветоши». К досчатой дверке вел толстый с зарубками шест, который подставлялся, когда нужно было попасть внутрь.

Тахто.

— Вот мой *тахто*, смотри,— показал Николай на амбарчик.

Внутри были навалены невода, юкола, барсучьи шкурки, старый хомут.

Николай достал из угла цинковую ванночку и два куска ядрового мыла.

— Моя баба белье моет, все налажено!

Стойбище Тэуди — наиболее культурное на Тунгуске: такие хозяйства, как у Николая и Екатерины, встречаются не часто. Правда, здесь гольдское быстро заменяется русским и самобытность исчезает.

Вдоль стен амбара, по его нижним наружным бревнам, тянулась широкая полка — доска, позеле-

ЭР00481

невшая от сырости. На ней были сложены старые, вышедшие из употребления фигурки сэонов — деревянные изображения различных «священных» животных (медведь, тигр, барс). Их новые заместители — свеже выструганные хвостастые чурбашки — помещались в темных уголках фанзы, под подушками и в других потаенных местах. Отслуживших сэонов Николай вручил нам:

— На, играй, музей ставь; все равно — доска был, доска и остался...

Узкая тропинка вилась между высоких кустов, влево от тахто.

Среди сплошных зарослей цветущей черемухи и пахучих тополей, в розовых кустарниках шиповника виднелись простенькие деревянные оградки полузаброшенных гольдских могил. В высокой траве лежали доски развалившейся оморочки. За заборчиком возвышался могильный холм. Тоненький деревянный крест был украшен узором, вырезанным по дереву, узор придавал кресту своеобразный вид.

Вскоре после укрепления в крае русских все туземцы были «обращены в христианство». Поэтому сейчас почти у всех гольдов имена «православные», а над их могилами вызвышаются стилизованные кресты. Однако, параллельно с «русскими» именами каждый гольд имеет свое туземное имя.

ЭР00481

Николай равнодушно смотрел на могилу своей первой жены, а потом, как бы вспомнив что-то, протянул:

— Вот я тебе отдавал ее сэон прошлый раз, теперь и померла баба...

Возвратившись в фанзу, мы нашли в ней нового человека. Молодой, плотно сложенный, он вежливо поздоровался.

Это был Владимир Онинкан, приехавший с реки Хора «гостить». Тот самый Онинкан, который всегда снабжал опиумом курильщицу Акулину. Обшлага и грудь рубашки Владимира были сплошь расшиты разноцветными шелками. Он держался очень солидно и был неразговорчив.

Мотор заработал и берега поплыли назад. На горизонте чернела сопка Новокаменки, которая вдруг стала серой и вскоре слилась с белесоватым небосклоном. Там шел сильный дождь. Дождь быстро приближался. Лодка мчалась вниз по течению полным ходом. За винтом холмилась вспененная вода, в которой мелькали широкие хвосты больших рыб, дремавших в ненастье у самой поверхности реки.

Подняв над головой смоченный указательный палец, легко определили направление ветра: палец начал охлаждаться с северо-западной стороны. Справа показались фанзы Хэи-мангга.

Тучи из Новокаменки настигали нас. Ливень налетел сзади, обдал всех холодными каплями и зашумел о поверхность Тунгуски далеко впереди, заслоняя стойбище...

ЭР00481

ПО БУРНОЙ ТУНГУСКЕ

Серое холодное утро. Мелкий дождик тоскливо и монотонно сечет воздух мокрыми каплями. Сплошной пеленой туч затянуло небо. Тунгуска глухо шумит, хлюпая у берега набегающими волнами.

Плывем от Новокаменки вниз, в Элян-яхса. Идущая впереди под парусом лодка «румынка» бешено пляшет на высоких гребнях волн.

Весла приходится погружать в воду непосредственно за прошедшей волной, отталкиваясь от нее, иначе весла моментально выбрасывает на поверхность. Лодка то зарывается носом в брызжущие серые громады, то как бы становится на дыбы, низко опуская корму между двумя волнами, одна из которых горой возвышается сзади. Рулевое весло то глубоко окунается в воду, то беспомощно висит в воздухе. Пустая жестяная банка, гремя, катается по дну лодки.

Ехать лучше серединой реки, так как под крутыми берегами волнение еще сильнее, а на мелях груженая лодка постоянно садится и захлестывается бешеной пляской раз'яренных волн.

Вот, наконец, и Элян-яхса. У берега чавкает в глине пошевеливаемый рекой плот. На его мачте рвется с хлопаньем красное полотнище флага.

Мокрые и усталые направляемся к фанзам. Справа и слева на пригорках — пышная черемуха и тополь, а в низине — поросшие травой высокие кочки. Сразу бросилась в глаза длинная баракообразная беленая фанза, крытая волнистым цинком. Перед ней, в яме, похожей на му-

ЭР00481

сорный ящик, торчали сушила, сколоченные небрежно из жердей. Но рыбы на них не было. Только грязные тряпки и одеяла повисли своими лохмотьями.

Левее, в глубине, виднелись еще три фанзы, полуразрушенные, с покосившимися дверями. Они казались заброшенными.

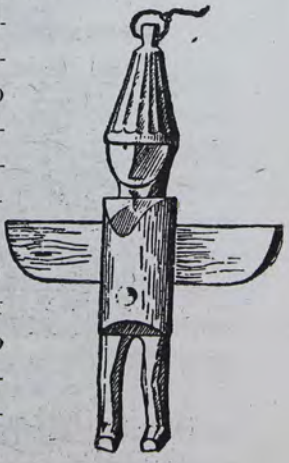
За фанзами скромно спрятались косоногие амбарчики, подпертые со всех сторон, готовые развалиться. Они не заперты и в них ничего нет.

Рыжая дворняга с торчащими ребрами бродила боязливо под окнами фанз.

Элян-яхса самое бедное и неряшливое стойбище на Тунгуске. Здесь чувствуется тяжелая нужда. В стойбище живут китайцы. Часть из них занимается незаконным севом мака для выделки опия.

От гольдской самобытности в этом стойбище ничего не осталось, тогда как в Хэи-мангга целиком сохранился внешний, чисто гольдский вид ее. Даже берестовых туесков с орнаментом, которых множество в каждом стойбище, в Элян-яхса совершенно нет.

Мы вошли в единственную гольдскую фанзу. На деревянном полу играли ребятишки. Прямо от входа — беленая плита, над которой были развешаны разнообразные предметы домашнего обихода, в большинстве — китайские.

Сэон.

ЭР00481

В углу гольдячка проворно шила на ножной швейной машине. Двое мужчин лениво покуривали на канах: погода дала им отдых.

В разговоре узнали, что из-за волны в Хабаровске задержалась их «артелька», уехавшая продавать в городе рыбу, что рыбаки из Хэи-мангга третьи сутки не могут вернуться домой, потому что на Амуре свирепствует сильный шторм.

— Никакой лодка живым не пройдет, волна шибко здоровая.... Всяким худо будет...

Швейная машинка монотонно стучала: черным по красному выстукивала иголка замысловатый орнамент для обшлагов нового халата.

Не спуская глаз с прыгающей иголки, тут же стояла девочка лет 10—12, русая, с голубыми глазами. Она резко выделялась среди смуглых и черноволосых гольдов.

— Это твоя дочка?

Гольд взглянул на ее тщедушную фигурку и равнодушно, сплевывая сквозь зубы, ответил:

— Нет, откуда моя? У нас такой люди нет. Это ваша игаян [1]), его русский, однако, есть...

— Девочка, как тебя зовут?

Громкий рев последовал в ответ. Девочка стремительно отскочила в сторону и, уткнувшись в засаленную юбку дремавшей на канах старухи, продолжала плакать.

— Его по-своему не знай, по нашему понимай малость...

— А как она попала в стойбище?

— Это давно еще, когда города много русский

[1]) Игаян — одинаково (из китайского языка).

ЭР00481

ребят отдавали. Моя бабушка его забирай был...

Он говорил о своей жене, которых китайцы (а от них и гольды) называют «бабушками».

— Там кушать никак не было, совсем худой ребятишка, скоро пропадать мог,— вставила «бабушка».

— Так и живет наша,— продолжал хозяин,— отец и мамка своего не знает. Его думай, что гольда есть...

Время подошло к полудню, пора было уезжать. Ветер разогнал тучи и солнце ярко отражалось на темно-синей поверхности Тунгуски, усеянной ослепительными беляками. Лодки наши, привязанные к береговым кольям, беспокойно колыхались. Вскоре крутые гребни волн перекидывались через борта, заставляя нас усиленнее налегать на весла.

НА ЛЕТНЕЙ СТОЯНКЕ.

Мы с трудом пробирались по подмытому берегу, который густо порос боярышником и шиповником. Колючие ветки и клочья рвали одежду и до крови царапали тело. На земле громоздились стволы упавших деревьев, заваленные валежником. Иногда попадались примитивные ловушки на мелких зверьков, расставленные гольдами. Длинная сухая трава предательски прикрывала широкие трещины. Почва под ногами осыпалась и скатывалась в воду.

Спотыкаясь о бревна и высокие обгорелые кочки, с обожженными солнцем спинами, под

ЭР00481

палящими лучами солнца тащили мы бичевой против течения лодки, нагруженные продуктами и походным снаряжением.

Путь пересекает протока.

Обрушивая комья земли, спускаемся к воде в лодку и идем на веслах.

Налетел порыв ветра и темной рябью отдался на поверхности. Моментально появилась крупная зыбь, увенчанная беляками. Она шумно разбивалась о борта и приятно обдавала накаленное тело брызгами.

Гольдская лодка.

Впереди на берегу показался человек.

— Куда идешь? Погоди! — остановил он нас.

У тальников, в заливчике, покачивались плоскодонные лодки с высокими носами. Тут же стоял большой садок для рыбы.

Мы вышли на песчаную косу. Из кустов зарычали привязанные собаки.

Мы были на летней стоянке Цальбунги, куда гольды перебираются из стойбища Уликэ для ловли рыбы. Здесь стояли два летника, обтянутые широкими полосами бересты, к которым прислонены весла, шесты и жерди.

Весенний пал уничтожил всю сухую траву и мелкий кустарник, и сейчас эти летники стоят на границе белого речного песка и обгорелой

ЭР00481

кочковатой равнины, покрытой слоем мокрого пепла.

Гольды очень любят сниматься. Увидев у нас фотоаппарат, они с удовольствием согласились позировать перед об'ективом.

Около летника собрались две семьи, всего около десятка человек, с бабушками и внучатами. Больших трудов стоило уговорить их сидеть спокойно...

Палящая жара спадала, когда мы под'езжали к стоянке Джафэ.

Из зелени тальников вынырнули полушарые летники, широко опоясанные берестой и цыновками. Лодки остановились, не дойдя до берега; здесь было очень мелко. Из-за кустов с лаем выскочили собаки, а вслед за ними бежали чумазые ребятишки с громкими криками:

— Та! Та!!!

Но собаки уже обступили нас, раздраженно ворча и скаля белые клыки.

Неожиданно появившийся старый гольд резко прикрикнул на собак по-гольдски и вся пушистая свора помчалась обратно к летникам.

Взглянув на небо, он обратился к нам:

— Здорово, откуда идешь?

— Из города, сюда к гольдам пришли. Выше еще пойдем...

Темнокоричневое плоское лицо расплылось в улыбку.

Старик протянул сморщенную шершавую руку для приветствия «шибко знакомы люди».

ЭР00481

— Сколько солнца ходи? Течение шибко много, вода большой, однако, чижало, а?

Когда он узнал, что от Хабаровска до усть Кура мы поднимались меньше четырех суток,— он был искренне поражен.

— Наша люди шесть солнца всегда ходи раньше не могу...

— А кажи твоя рука?

Наши ладони были покрыты мозолями и пузырями; пальцы едва гнулись.

— Так работай не могу... Такой надо делай,— и он вытащил из-за пояса белые ватные рукавички, украшенные ярким орнаментом.

— Наша рука ломай нету, всегда на лодка такой таскай...

И действительно, подобные рукавички превосходно сохраняют руки при длительной гребле.

Уже темнело. Вокруг нас столпились босоногие ребятишки и несколько мужчин с неизменными трубками в зубах. Все оживленно говорили и жестикулировали, временами кивая в нашу сторону. Гольды очень гостеприимны и сейчас же стали предлагать нам ночевать в летнике, на плетеной сактан. Но на воздухе было так хорошо и тепло, что мы предпочли остаться в палатке под открытым небом.

В Джафэ не более десятка жилых помещений. Полушарые летники, соломенные шалаши и полотняные палатки живописно выглядывали из густой зелени. Сзади них — легкие травяные навесы, под которыми свалены немногочисленные

ЭР00481

предметы первой необходимости: невода, запасные одеяла, цыновки. Все остальное имущество оставляется в зимних стойбищах.

На сушилах чинно висели свежепойманные сомы со взрезанными брюшками — заготовка впрок.

Летник.

Было еще очень рано, многие гольды спали. По стойбищу лениво бродили сонные собаки. Несколько крупных остроухих «туземок», глухо ворча, сидели близ шалашей на цепочках.

Из летников послышался сдержанный говор.

— Уже встал? Чего так рано?

Смуглое лицо лоснилось на солнце, а волосы отливали синевой. Петр Актанка превосходно говорил по-русски.

— Зайдем, посмотришь,— пригласил он в свой летник.

Легкую цыновку подняли вверх — «дверь» открыта. Мы вошли. Справа и слева на земле светлели плетеные сактаны. Между ними, в центре летника — маленький таган, чайник и остатки костра. Так заведено исстари: чайник должен кипеть день и ночь, чтобы всегда можно было угостить приезжающего утомленного гостя.

Прямо над таганом, в «крыше» — щель для выхода дыма. Стены — широкие берестовые полосы, прошитые по краям и натянутые на тальниковом остове,— образуют непроницаемую для дождя преграду. Нижняя часть летника обведена

ДВГНБ

ЭР00481

просвечивающей плетенкой, которая дает постоянный доступ свежему воздуху. Вообще летние гольдские помещения весьма чисты и гигиеничны.

В углу стояли двухстволки в чехлах из бар сучьей шкуры. Около них — несколько жестянок из-под конфет, а повыше, против входа, висела самодельная гитара с двумя струнами.

— Это русские в деревне делали,— об'яснил Петр,— сам не играю, никто не умеет.

— Сынка мала-мала понимай,— послышался надтреснутый голос из темного угла, где сидела сморщенная как печеное яблоко старуха, которую мы вначале не заметили.

В летник вбежала девочка и остановилась удивленная, вытаращив на нас глазенки. Старуха сердито закричала на нее; девочка что-то пробормотала и выбежала на улицу.

— Костер надо делай, а его играй, играй...— ворчала «мамка».

Пошли по стойбищу. Солнце поднялось высоко. Белый песок раскалился и обжигал ступни. Собаки, обессиленные от жары, томились в кустах.

На берегу лежали лодки и оморочки разного вида, необычайно легкие на ходу.

Между летниками и рекой, в прохладе тальников, две гольдячки плели сактан. Одна из них начала делать угол. Тонкие тростниковые стебли сначала раздавливались щипцами из связанных щепочек, потом разглаживались в полосу шириной до двух сантиметров и плелись зигзагами, перегибаясь у краев и образуя небольшой валик.

ЭР00481

Единственный и необходимый инструмент при плетении — большой гольдский нож с узким кривым лезвеем и деревянной или костяной ручкой. Ручка сделана с выемкой для большого пальца правой руки и оканчивается плоской лопаточкой. Все неровности и бугры, образовавшиеся в новой цыновке, расколачиваются на доске этой рукояткой.

Время перевалило за полдень. После походного обеда собрались отплывать дальше. Нас провожало почти все стойбище. Косые глаза щурились и защищались ладонями от ослепительных солнечных лучей.

Простившись поочередно со всеми, мы двинулись вверх по Тунгуске к устью Кура.

Сквозь шум воды и плеск весел донесся с берега зычный голос Петра:

— Обратно итти будешь — заезжай!..

— Аааай...аай...ай... — гулко раскатилось речное эхо.

„БОЖЕСТВЕННАЯ" СВАЛКА

На высоком обрывистом берегу виднелись дома. Обыкновенные бревенчатые пятистенки. Ближе к реке возвышались сушила, а из-за молодых осин и дубков видны были типичные гольдские амбары.

Перед нами было стойбище Уликэ, первое оседлое поселение гольдов в низовьях Кура.

Еще несколько взмахов весел и лодки ткнулись носами в прибрежные кочки, поросшие длинной расстилавшейся по воде травой. На влаж-

ЭР00481

ном береговом песке виднелось множество с
дов. Узкая тропинка, извиваясь по круче отко
вела на возвышенную равнину, где среди дерев
стояли фанзы, тахто и бревенчатые избушки.

Ни одного человека не было видно. Стойби
точно вымерло. Тропинка заканчивалась у бл
жайшей от берега фанзы. Дверь была откры
и мы вошли: деревянные полы и потолок, в рам
вставлены стекла. Ни глинобитного пола, ни пр
масленной бумаги в окнах — ничего этого не был
Только неизменные каны и гладко обмазанны
глиной очаг уцелели от натиска новой культур

Важные, с длинными трубками в зубах, с
дели на сактан гольды. По обычаю «стариков
они нарочно не выходили из фанзы, чтобы н
заговорить первыми, не обидеть нас своим любо
пытством.

Их было четверо: старуха в засаленном ха
лате с выцветшим орнаментом; молодая голь
дячка, черные гладкие волосы которой выбива
лись из-под белого платка; старик, все время
молчавший и разговорчивый Антон Бельды, не
раз побывавший в городе и работающий сейчас
на сплавах Дальлеса. Этот Антон и был нашим
проводником по стойбищу.

— Ну, говори, тебе чего надо показать? Я се
годня свободный, все равно делать нечего,— пред
ложил он свои услуги.

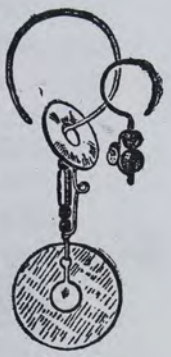
Старуха покосилась на него и сильно прихра
мывая подошла к окну. Мочки ее ушей были изо
драны в клочья и теперь тяжелые серебряные с
резьбой серьги она вдела в самые ушные рако-

ЭР00481

вины, которые оттянулись вниз под бременем металла.

— Мамка, тебе зачем уши ломай? Так шибко плохо, красиво все равно нету.

Она начала что-то бормотать, роясь в ящике стоящего тут же стола, из которого вскоре извлекла массивные пластинки нефрита с большими серебряными кольцами.

Серьги.

— Раньше такой моя носи. Шибко чижало его есть...

Старая «мамка», кряхтя, отковыляла к канам, забралась в свой угол и разложила на коленях тяжелые подвенечные серьги. Задумчиво стала вглядываться в мутные переливы дорогого камня. Седые космы волос опустились на иссохшие желтые руки.

Мы вышли на яркую зеленую лужайку и завернули за угол фанзы. Невдалеке, на специально устроенных сушилах из жердей был растянут небольшой невод. Вместо поплавков на равных расстояниях друг от друга висели куски коры бархатного дерева, грубо обрезанные ножом. Грузилами служили вылепленные из глины обожженные плитки с отверстиями для веревок. Тут же стояли широкие носилки для переноски невода и веревок.

Чуть приметная тропинка вела к старой развесистой черемухе, сплошь покрытой белыми веточками цветов. Они распространяли вокруг одуряющий аромат. В самых недрах этого громадного цветочного шатра виднелся примитивный

ЭР00481

алтарь, заимствованный у китайцев. Это — к
ский ящик, сверх которого поставлен еще та
же ящик. Оба обиты кумачом с черными рис
ками божеств. Сзади «алтаря» стоял еще од
узенький длинный ящичек, наполненный изоб
жениями сэонов. Они были вырезаны из дере
и обернуты тряпочками.

От каждой болезни или неудачи «помогае
особый сэон, которому нужно «молиться» и пр
сить его, о чем следует. Как все это делается
старуха ни за что не хотела говорить, и на это
раз мы от нее ничего не добились.

— Как я могу говори? «Его» услышит,— по
могай не станет. Лучше спроси не надо...

Гольдячка с опаской посмотрела на красну
материю, испещренную черными контурами «ду
хов», и стала заботливо укладывать деревянные
фигурки в досчатник.

Антон почтительно стоял в отдалении, погла-
живая тупую морду подобранного им деревянного
тигра. Старуха заторопилась:

— Иди, иди, «его» сердиса будет. Моя сюда
никого не пускай. Только знакома люди маленько
смотри — и хватит.

Убедившись, что мы ушли окончательно,
«мамка» заковыляла к себе в фанзу. А Антон,
хитро подмигнув, повел нас в противоположную
сторону, в заросли шиповника и крапивы.

— Там старый сэон много есть... Надо — так
набирай...

«Божественный склад» находился там, куда

ЭР00481

долетали бросаемые от фанз, ставшие ненужными, изображения сэонов.

Земля была усыпана всяким хламом: рыбьи кости, стоптанные улы, маленькие ржавые жестянки с какой-то вонючей жидкостью, старые плетеные чашки. Большие зеленые мухи с громким жужжанием носились над этой свалкой. Из куста шиповника вытащили кривенькую деревянную змейку.

— *Джябджа*,— так наша название. Все равно ваша змея,— пояснял Антон,— а это ваша тигра все равно. *Амбан* зовется. Самый настоящий «бог»...

Амбан.

— На другую весну новых делать будем, а потом опять сюда кидать... Раз помог — и хватит. А ваша люди, которые я видал раньше еще, собирают ходят. Музей, говорили, таскать им надо. А зачем его делай?

Так рассуждал Антон, собирая вместе с нами своих «богов».

Сложив добычу в лодки, пошли осматривать Уликэ.

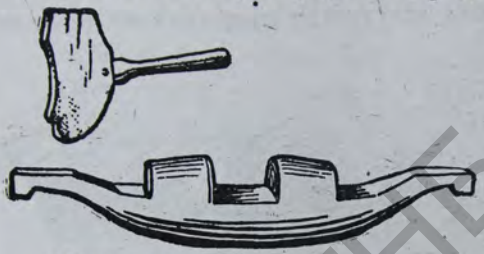
На доске, около фанзы, сохли рыбьи «шкурки». Раньше из них делали все части одежды, а теперь — только халаты, наколенники и надеваемые сверх мехового чулка улы, незаменимые для лыжной охоты.

Мы просили показать нам, как выделывается рыбья кожа, и молодая гольдячка, после долгих

ЭР00481

отнекиваний и отказов, наконец, согласилась.

Тут же около фанзы валялся станок для
делки кожи и тяжелая деревянная колотуш
Станок этот весьма прост. Он вырублен из т
стого тальникового ствола, имеет нечто вр
ручки и три углубления: два на концах, для н
работающего, и одно посредине — для кожи.

Станок для выделки кожи; наверху — колотушка.

Гольдячка у
лась на земл
вытянула ног
подсунула по
них, недалеко о
ступни, свой ста
нок и принялас
за работу. Тяже
лая колотушк
глухо застучала по шуршащей как пергамен
коже. Казалось, что она отобьет себе все паль
цы — так близко от них опускалась тяжела
колотушка.

— Каждый шкура часа два надо работать,
тогда совсем мягкий будет, — об'яснял Антон.

А на обыкновенный халат нужно не менее
15 — 20 кож.

ИСКУССТВО ОХОТЫ

Из зарослей извилистой протоки вынырнула
оморочка. Та самая, которую мы видели в Джафэ.

— Таких на вся Тунгуска только один штука
есть, еще старики шибко раньше делали. Самый
быстрый его есть,—говорили о ней гольды.

ЭР00481

Действительно, лучше ничего нельзя было придумать. Легкий остов из прутьев и дранья плотно облегался толстой берестой. Нос и корма оканчивались одинаковыми, причудливо загнутыми кверху стволами молодого тальника.

Оморочка скользила по поверхности почти не погружаясь в воду, несмотря на тяжесть взрослого охотника, который плавными гребками длинного весла быстро «шел» вверх по течению.

Такая лодочка может выдержать только одного человека и ездить в ней нужно очень умело. Многочисленные подводные коряги, если на них натолкнуться, моментально продырявят непрочное днище и борта. Сидеть в оморочке приходится на широкой дощечке, чтобы не продавить дно, которое шевелится от перебегающих под ним волн.

Вновь прибывший гольд рассказывал об охоте.

— По протоке в озеро заедешь — там трава кругом только шуршит. Не видать,—утка, или еще кто, может, есть... Я еду — его смотрит: какой-то палка кривой плывет. Его не понимай, что это оморочка... Как я услыхал, что птица есть — сразу большой весла кладу, беру пара маленький, его вроде лопатка, наша *мальбо* называй. Как подойду — совсем тихо.... Утка там купайся, ныряй, может... Маленький мальбо тогда клади, двухстволка бери и, — поймал утка.

— Другой раз еще рыба острогой можно бить... Его часто у берега в протоке стоит. Подойдешь тихо, тоже маленький весла работай, стукнешь его около головы,— и рыба поймал.

ЭР00481

— Я вот вроде старик, зря будто поехал. Наша все больше ребята на такие охота ходи...

В стороне, у шалаша, согнувшись сидел мужчина и дымил трубкой. При помощи очень простого приспособления он быстро скручивал из лыка и травы тонкую прочную веревку.

Мы сфотографировали его работу, там же, у шалаша. Летом 1927 года этот снимок удалось передать гольду, и теперь фотография находится в фанзе далекого стойбища, за много километров от города...

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О РЕКЕ И ЛЮДЯХ

Тунгуска впадает в Амур слева, в 15 км. ниже Хабаровска. При устье образует несколько рукавов (дельту), которые, огибая многочисленные островки, вливают свои мутно-желтые воды, насыщенные частицами глины и песка, в Амур.

Русло реки, особенно в нижнем течении, сильно загромождено небольшими островами, густо поросшими тальником.

Тунгуска не широка, но очень извилиста. Местами кажется, что она течет в обратном направлении — так круты ее повороты.

Часто попадаются протоки, которые иногда бывают шире главного русла. Очень легко потерять правильное направление, завернув в такую протоку. Обыкновенно забираешься далеко в сторону, прежде чем ошибка станет очевидной.

Берега часто вдаются в реку длинными песчаными косами.

ЭР00481

По некоторым сведениям, сопка представляет давно потухший вулкан.

Сейчас гора покрыта травой и кустарником, а на склоне ее расположилась деревушка Новокаменка, сползающая своими домиками к самой воде.

Река Кур имеет горный характер. Дно ее каменисто, течение быстро, а вода прозрачна и холодна.

По берегам Кура толпятся стройные тополя и березы. Местность заметно повышается. Почва сложена из белой и красной глины; длинных песчаных отмелей нет.

Кур уже Тунгуски, но гораздо красивее и живописнее ее.

Кур и Урми сходятся под большим углом и кажется, будто Кур впадает в Урми и является ее притоком, хотя в действительности это не так.

На Тунгуске живут самые разнообразные народности. Здесь можно встретить великороссов, гольдов, украинцев, татар, латышей, китайцев, поляков, молдаван и даже чехов.

Наиболее многочисленные из них — великороссы, гольды и украинцы.

Великороссы и украинцы осели на Тунгуске поселками, из которых два (Новокаменка и Новониколаевка) расположены близ устья, а другие два (Даниловка и Архангельское) — дальше вверх по реке. Татары, поляки и другие поселились вместе с великороссами и украинцами.

Гольды обосновались в нижнем течении Тун-

ЭР00481

гуски: стойбища Тэуди, Хэи-мангга (в переводе — «сильное течение»), Элян-яхса и Бони, в среднем течении — стойбище Дзармин, и в верховьях — стоянки Джафэ и Цальбунги.

Есть еще стойбище Уликэ, которое находится в трех километрах от Тунгуски, вверх по Куру. Но жители Уликэ полностью тяготеют к Тунгуске и ее стойбищам. С наступлением тепла гольды из Уликэ перебираются на летние стоянки Джафэ и Цальбунги, где и остаются до осени, тесно соприкасаясь с гольдами реки Тунгуски.

Таким образом, стойбище Уликэ с его населением можно, не делая большой ошибки, причислить к гольдским стойбищам Тунгуски.

Кроме перечисленных стойбищ и деревень, оседлых населенных пунктов, если не считать разрушенного монастыря (близ с. Архангельского), на Тунгуске нет.

Местность около монастыря интересна тем, что при постройке его в 1913 году было найдено много железных и медных предметов хозяйственного обихода, принадлежавших, повидимому, древним насельникам края. [1]) Монастырская ограда находится на левом берегу Тунгуски, в трех километрах ниже Архангельского. Церковь полуразрушена, а от некоторых построек остались только ямы.

Во всех упомянутых ранее стойбищах имеются представители различных гольдских родов, из ко-

[1]) Найденное хранится в археологическом отделе Хабаровского музея.

ДВГНБ

ЭР00481

торых Доонкан, Юкамикан и Удынкан об'единяются под общим названием *килэн*. В настоящее время они почти не отличаются от собственно гольдов, и в обособленную группу их можно не выделять.

Основная масса гольдов расселилась в нижнем течении р. Амура. Незначительная часть — по Уссури и Сунгари.

Большинство гольдов, даже дети, говорят на трех языках: на родном, русском и китайском.

Вообще, влияние китайской культуры на гольдов очень велико. Еще задолго до появления в крае русских, маньчжуро-китайские чиновники на джонках ежегодно об'езжали стойбища Амура и его притоков и собирали «дань» (пушнину и т. п.).

И в наши дни в гольдской орнаментике (узоры — украшения) часто встречается китайский дракон, свернувшийся кольцом, с треугольниками позвонков по хребту, а также и другие угловатые орнаменты.

Разные деревянные шкафчики, столики и сундуки (вывезенные в свое время из Китая) разукрашены прямоугольными изгибами струганого китайского узора.

Пищу гольды варят в китайских чугунных котлах, едят ее китайскими палочками из китайских же фарфоровых чашек.

Значительная часть гольдов сильно окитаена, но заметно также и русское влияние. В Тэуди, например, рядом с глинобитными фанзами стоят три бревенчатых домика, крытые волнистым железом.

ЭР00481

Будничная одежда гольдов, особенно мужчин, почти целиком заимствована у великороссов.

За обедом появляются металлические ложки, воду держат в ведрах, некоторые имеют упряжных лошадей, в каждой фанзе есть керосиновая лампа и т. д.

На Тунгуске расселилось около полуторых сотен гольдов, которые вместе с китайцами распределились по стойбищам так (по цифровым данным 1927 года):

Стойбища	Отдельных хозяйств	Жителей			Из них по национальностям							
					Гольдов				Китайцев			
		Мужчин	Женщин	Всего	Хоз.	Муж.	Жен.	Всего	Хоз.	Муж.	Жен.	Всего
Бони	3	4	6	10	3	4	6	10	—	—	—	—
Хэи-мангга . .	7	20	17	37	6	19	17	36	1	1	—	1
Элян-яхса . . .	4	12	4	16	1	3	4	7	3	9	—	9
Тэуди	4	12	6	18	3	11	6	17	1	1	—	1
Дзармин	4	9	5	14	4	9	5	14	—	—	—	—
Цальбунги . . .	2	4	3	7	2	4	3	7	—	—	—	—
Джафэ	4	12	10	22	4	12	10	22	—	—	—	—
Уликэ	6	17	15	32	6	17	15	32	—	—	—	—
Итого . .	34	90	66	156	29	79	66	145	5	11	—	11

Характерно, что ни одной китаянки в стойбищах Тунгуски нет. Некоторые китайцы женаты на гольдячках.

Здесь нужно отметить, что у гольдов вообще женщин меньше, чем мужчин. И среди детей опять-таки преобладают мальчики.

Главное занятие гольдов — охота и рыболовство. Мясо убитых зверей идет в пищу, шкуры на пошивку рукавиц, торбасов, шапок и т. д. Наиболее ходовые сорта пушнины гольды продают.

ЭР00481

Рыба вялится на солнце и из нее делаются запасы продовольствия на целый год в виде юколы. Пресная юкола идет для собак и называется *кэсоахта*, а соленой питаются люди. Называется она *олохса*.

Часть пойманной рыбы гольды продают в городе через скупщиков китайцев, которые зачастую сами приезжают в стойбища и скупают по дешевке весь улов.

В конце лета живущие на Тунгуске гольды семьями уезжают вниз по Амуру, на острова за голубикой, которую также продают в городе.

В некоторых стойбищах постепенно начинает прививаться огородничество. Этому много способствуют китайцы, поселившиеся вместе с гольдами.

Зимой многие дети гольдов учатся в русских деревенских школах. Есть среди них и пионеры.

Нижние стойбища Тунгуски об'единены сельсоветом Новокаменки, а верхние — сельсоветом села Уликэ-Павловка.

ДВГНБ

ЭР00481

СЛОВАРИК ГОЛЬДСКИХ СЛОВ

Сактан—плетеная из тростника цыновка; настилается в фанзе на канах и в летнике на земле.

Хондори—то же, узкая, с черными узорами; вешается на стенке фанзы над канами.

Тахто—амбарчик для хранения продовольствия и рыболовных снастей; строится всегда на столбиках — сваях.

Та! — окрик на собаку; по смыслу — цыц! назад!

Мальбо — короткие лопатки-весла для бесшумного плавания на оморочке.

Кэсоахта — пресная вяленая рыба; идет в пищу собакам.

Олохса — соленая вяленая рыба (чищенная) — для людей.

Фаня — прямоугольная плотная подушка, где „помещается тень умершего".

Буни — „царство теней" — нечто вроде „рая".

Сэон — изображение „священного" животного или духа.

Аями-фанялко — деревянная фигурка на подставке, олицетворяющая покойника.

Джябджа — змея; считается „священной", как медведь, пантера, черепаха и некоторые другие.

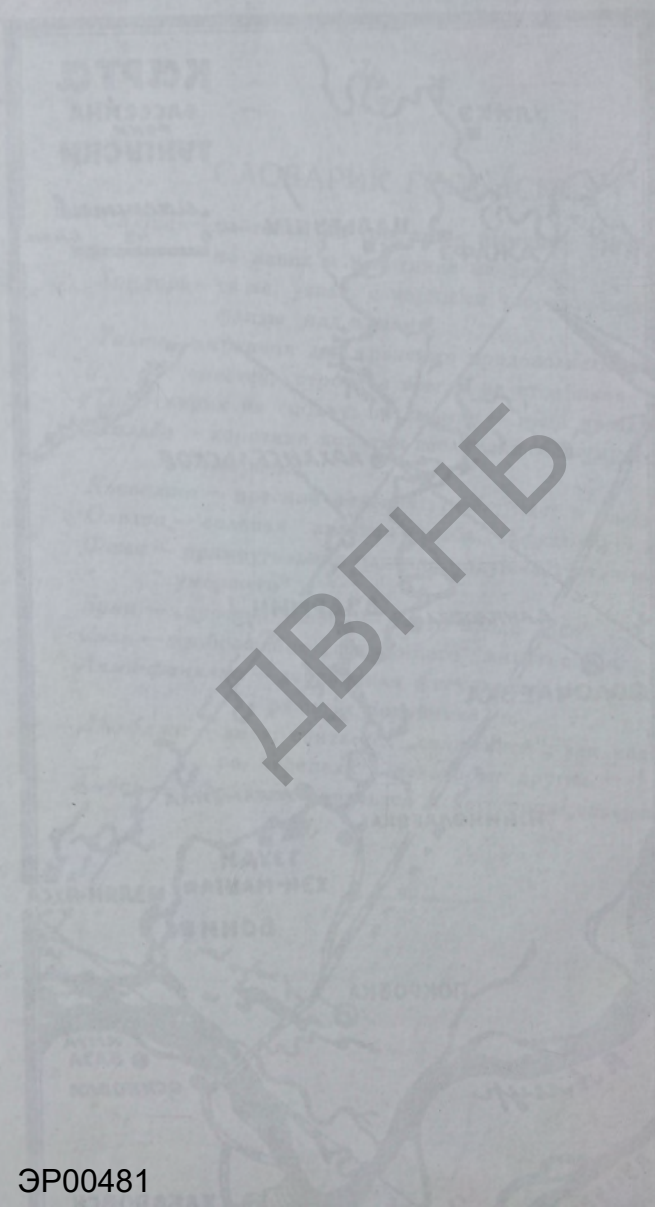
Амбан — тигр, тоже относится к категории „священных".

ДВГНБ

ЭР00481

КАРТА
БАССЕЙНА
реки
ТУНГУСКИ
масштаб:
0 4.2 8.4 км.
УЛИКЭ
Р. Куо
ЦАЛЬБУНГИ
ДЖАФЭ
Р. Урми
N
S
Р. Тунгуска
Р. Мал. Дарма
АРХАНГЕЛЬСКОЕ
Уссури
ДАНИЛОВКА
ДЗАРМИН
ВОЛОЧАЕВКА
Ж. д. Хабаровск
Н. КАМЕНКА
Н. НИКОЛАЕВКА
ТЭУДИ
ХЭЙ-МАНГА
ЭЛЯН-ЯХСА
БОНИ
ПОКРОВКА
АМУР. БАЗА
ОСИПОВКА
Р. Амур
Р. Уссури
ХАБАРОВСК

ЭР00481

ДВГНБ

ЭР00481

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Первые встречи с гольдами 5
По бурной Тунгуске 18
На летней стоянке 21
„Божественная" свалка 27
Искусство охоты 32
Некоторые сведения о реке и людях 34
Словарик гольдских слов 42

ДВГНБ

ЭР00481

ДВГНБ

ЭР00481

ДВГНБ

ЭР00481

ДВГНБ

ЭР00481

ДВГНБ

ЭР00481

ДВГНБ

ЭР00481